

Содержание

От автора	5

Книга первая

ВЫЗОВ НА МЕСТО УБИЙСТВА

Глава 1.....	7
Глава 2.....	12
Глава 3.....	17
Глава 4.....	30
Глава 5.....	35
Глава 6.....	42
Глава 7.....	51
Глава 8.....	57
Глава 9.....	64
Глава 10.....	75

Книга вторая

СМЕРТЬ В БЕЛОМ ХАЛАТЕ

Глава 1.....	80
Глава 2.....	89
Глава 3.....	98
Глава 4.....	107
Глава 5.....	114
Глава 6.....	125
Глава 7.....	131
Глава 8.....	138
Глава 9.....	143
Глава 10.....	149
Глава 11.....	157
Глава 12.....	161
Глава 13.....	164
Глава 14.....	170
Глава 15.....	182

Книга третья
ЧЕЛОВЕК ИЩУЩИЙ

Глава 1.....	186
Глава 2.....	201
Глава 3.....	209
Глава 4.....	215
Глава 5.....	225
Глава 6.....	240
Глава 7.....	247
Глава 8.....	252

Книга четвертая
СМЕРТЬ ЧЕРЕЗ ПОВЕШЕНИЕ

Глава 1.....	258
Глава 2.....	267
Глава 3.....	272
Глава 4.....	289
Глава 5.....	299
Глава 6.....	301
Глава 7.....	304
Глава 8.....	308
Глава 9.....	315
Глава 10.....	323
Глава 11.....	323
Глава 12.....	326
Глава 13.....	330

Книга пятая
МЕЛОВОЙ КАРЬЕР

Глава 1.....	339
Глава 2.....	347
Глава 3.....	355
Глава 4.....	357
Глава 5.....	362

От автора

В Восточной Англии нет государственной научно-исследовательской лаборатории судебной медицины, а даже если бы и была, совершенно невероятно, чтобы она хоть в малой степени походила на Лабораторию Хоггата. Все сотрудники этой последней, как и прочие, даже самые неприятные, персонажи в этом романе — лица вымышленные и не имеют ничего общего с кем бы то ни было из людей, реально существующих или когда-либо существовавших.

Книга первая

ВЫЗОВ НА МЕСТО УБИЙСТВА

Глава 1

Телефон зазвонил ровно в шесть часов двенадцать минут. Керрисон нащупал в темноте и схватил трубку, чтобы унять яростный звон телефона, почти одновременно отметив время по светящемуся циферблату электронных настольных часов, и лишь потом включил стоящую рядом лампу. Привычка прежде всего отмечать время уже въелась в плоть и кровь. Почти всегда ему удавалось снять трубку после первого же звонка, и все равно каждый раз он пугался, что от этого звона проснется Нелл. Голос в трубке был ему хорошо знаком, а вызов не был такой уж неожиданностью. Звонил инспектор уголовной полиции Дойл. Голос звучал громко и уверенно, словно Дойл всей своей немалой массой навис над изголовьем кровати, а из-за его раскатистого ирландского «р» казалось, что он вот-вот угрожающе зарычит.

— Док Керрисон? — Вопрос, разумеется, был совершенно излишним. Кто же еще в этом гулком полупустом доме мог поднять трубку в шесть двенадцать утра? Он не ответил. Дойл продолжал: — У нас тут труп обнаружился. На пустыре, где раньше известняк брали, — километрах в полтора на северо-восток от Маддингтона. Женщина. Молодая. По виду — удушение. Может, случай вполне ясный, но раз так близко...

— Хорошо. Еду.

В голосе инспектора не прозвучало ни нотки облегчения или благодарности. Впрочем, вполне естественно: разве доктор когда-нибудь отказывался приехать по вызову? Ему ведь и платят неплохо за эту его всегдашнюю готовность, да только деньги вовсе не единственное объяснение его крайней добросовестности. Он подозревал, что Доил относился бы к нему с большим уважением, если бы хоть изредка доктор проявлял несколько меньшую готовность явиться по первому зову. Да он и сам уважал бы себя чуть больше.

— Это будет первый съезд с дороги А-142 после Гиббетс-Кросса. Я там человека поставлю.

Керрисон положил трубку, спустил с кровати ноги и потянулся за карандашом и блокнотом — записать кое-что, пока детали свежи в памяти. Известняковая выработка. Скорее всего грязь, тем более что вчера прошел дождь. Окно было приотворено снизу. Он подтолкнул раму вверх, вздрогнув от ее громкого скрипа, и высунул голову наружу. С болот тянуло густым запахом осенней ночи, сильно и свежо пахла мокрая глинистая земля. Дождь перестал, по небу неслись серые тучи, а меж ними, словно обезумевший бледный призрак, мчалась луна. Мысленно он представил себе далеко протянувшиеся опустелые поля, полуразрушенные дамбы, а за ними — выбеленное луной пространство Уоша* и наползающую на песчаный берег пенную кромку Северного моря. Он мог даже вообразить, что ощущает в промытом дождем воздухе терпкий морской, отдающий лекарствами запах. Где-то там во тьме, окруженное атрибутами, типичными для сцены насильственной смерти, лежит мертвое тело. И мозг его послушно воспроизвел столь знакомую картину, неминуемо сопутствующую его профессиональным занятиям: фигуры

* Уош — узкий залив Северного моря на восточном побережье Англии. — *Здесь и далее примеч. пер.*

людей, черными тенями передвигающихся позади ярко освещенной прожекторами площадки; аккуратно припаркованные в стороне полицейские машины; хлопанье пластиковых заградительных щитов; обрывки фраз и отрывочные разговоры полицейских, поджидающих, когда же на дороге появится свет фар его автомобиля. Сейчас они уже поглядывают на часы, гадая, сколько времени ему понадобится, чтобы добраться до места.

Осторожно закрыв окно, он натянул брюки поверх пижамных штанов и просунул голову в тугой воротник водолазки. Потом взял фонарь, выключил лампу у кровати и стал осторожно спускаться по лестнице, нащупывая ногами ступени и держась поближе к стене, чтобы ни одна ступенька не скрипнула. Но из комнаты Элеанор не доносилось ни звука. Воображение опережало его шаги, мысленно он уже преодолел те десять метров — площадку и два лестничных пролета, — что отделяли его от комнаты дочери. Там, в глубине дома, спала шестнадцатилетняя Нелл — Элеанор. Сон девочки всегда был очень чуток. Поразительно, но, даже когда спала, она реагировала на звонок телефона. А ведь она никак не могла его слышать! Вот о трехлетнем Уильяме можно было не беспокоиться. Малыш как заснет, так и проспит без просыпа до утра.

Все, что он сейчас делал, как и все его мысли, шло по раз навсегда установившейся колее. Этот порядок никогда не менялся. Сначала Керрисон отправлялся в маленькую умывальную, что рядом с черным ходом. У входной двери стояли наготове резиновые сапоги: из высоких голенищ, словно обрубки ног, торчали толстые красные шерстяные носки. Закатав рукава до плеч, он облил холодной водой руки, а после, наклонившись пониже, окунул в раковину и голову. Он совершал этот акт омовения, словно священнодействуя, и вначале и после каждого выезда на место преступления. И давно перестал задаваться вопросом — почему? Это успокаивало и стало необходимостью, словно ритуальное действие в храме: краткое предварительное омовение — это освя-

щение, конечное — не просто необходимая процедура, а словно отпущение грехов, будто, смывая со своего тела запах, характерный для его профессии, он мог очистить от него и свой мозг. Вода, выплеснувшись из раковины, залила зеркало, и, потянувшись за полотенцем, он увидел сквозь стекающие по стеклу струи собственное искаженное лицо: опавший рот, мокрые, словно морские водоросли, пряди черных волос наполовину скрывают опухшие глаза... Будто лицо всплывающего из-под воды утопленника. Им овладела предрассветная меланхолия.

«Через неделю мне стукнет сорок пять, — думал он, — а что в итоге? Вот этот дом, двое детей, неудавшийся брак и работа, которую так страшно потерять, ведь это единственное, в чем я добился успеха».

Старый пасторский дом, полученный в наследство от отца, не был заложен, так что здесь проблем не было. Зато нельзя этого сказать обо всем остальном в его полной тревог жизни. Любовь, которой так ему недоставало, растущая потребность в ней, неожиданная и пугающая надежда на ее обретение — все это тяжким бременем легло на плечи. Даже его работа, эта часть жизни, где он мог с уверенностью продвигаться вперед, не была свободна от проблем.

Тщательно вытирая руки — каждый палец по очереди, — он снова ощутил, как возвращается застарелая, гнетущая, как злокачественная опухоль, тревога. Его все еще не назначили патологоанатомом министерства внутренних дел после ушедшего на пенсию доктора Стоддарда, а ему очень хотелось получить эту должность. Официальное назначение дало бы ему больше денег. Полицейское управление уже пригласило его работать в этом качестве на условиях сдельной оплаты и платило вполне прилично за каждое обследование. Эти деньги вместе с гонорарами за коронерские аутопсии* давали

* Коронерская аутопсия — посмертное вскрытие, проводимое в присутствии коронера — должностного лица, обязанного разбирать дела о смерти при сомнительных обстоятельствах.

ему такой доход, что это вызывало не только зависть его коллег в отделении патанатомии Главной районной больницы, но и неприязнь к его непредсказуемым исчезновениям — выездам по полицейским вызовам на место преступления, на долгие судебные разбирательства, — к его неизбежной известности.

Да, это назначение было ему очень важно. Если министерство найдет другого кандидата, трудно будет объяснить Областному отделу здравоохранения, почему он постоянно работает на местную полицию на основе частного договора. К тому же нет уверенности, что полицейские власти захотят и дальше его использовать. Он сознавал, что он отличный судебный патанатом, надежный, обладающий высокой профессиональной компетенцией, предельно аккуратный и добросовестный. К тому же он никогда не теряет присутствия духа в суде. В полиции знали, что их тщательно выстроенные доказательства не рухнут, не разлетятся на куски под перекрестным огнем допроса, если свидетельские показания дает доктор Керрисон. Правда, иногда он подозревал, что его считают излишне принципиальным, чтобы чувствовать себя вполне комфортно с ним рядом. Ему явно не доставало легкости, способности устанавливать отношения чисто мужского приятельства, той смеси циничности и мачизма*, которые так тесно связывали с полицейскими старика Стоддарда. Если им придется обходиться без него, вряд ли о нем будут сильно скучать и вряд ли они станут лезть из кожи вон, чтобы его при себе оставить.

Свет в гараже слепил глаза. Закатывающаяся наверх дверь послушно открылась, как только он коснулся кнопки, и поток света выплеснулся на гравий въездной аллеи, посеребрив взлохмаченную траву по обеим ее сторонам. Но этот свет все-таки не сможет потревожить

* М а ч и з м — преувеличенное утверждение или демонстрация собственной мужественности.

Нелл — ее комната в задней части дома. Прежде чем включить мотор, он тщательно просмотрел карту. Маддингтон. Город на самой границе района, километрах в двадцати пяти к северо-западу отсюда. Меньше получаса езды в обе стороны, если все сложится удачно. Если специалисты из Лаборатории уже там — а Лорример, ведущий биолог, непременно являлся на место убийства, когда только мог, — в этом случае ему не так уж много останется делать. Допустим, час на все про все на месте убийства, тогда, если повезет, он вернется домой еще до того, как проснется Нелл. Ей даже и знать не надо, что он уезжал из дома. Керрисон выключил свет в гараже. Осторожно, словно легкость его движений могла как-то утихомирить звук мотора, включил зажигание. «Ровер» медленно двинулся в ночную тьму.

Глава 2

Неподвижно застыв за оконной шторой на ближней ко входу лестничной площадке и прикрывая правой ладонью бледно светящийся огонек ночника, Элеанор Керрисон увидела, как на въездной аллее вдруг вспыхнули красным хвостовые огни «ровера» — машина остановилась у ворот, а затем повернула налево и, набирая скорость, исчезла из вида. Девочка дождалась, пока отблеск фар окончательно не растаял во тьме. Потом отвернулась и пошла по темному коридору к спальне Уильяма. Она была уверена — малыш не мог проснуться. Сон его всегда являл собою неутоляемо плотское торжество забвения. А когда он спал, она знала — ему ничто не грозит, она может освободиться от вечной тревоги. Наблюдать, как малыш спит, доставляло ей такое наслаждение, вызывая смешанное чувство любви и жалости, что порой, боясь собственных мыслей, обуревавших ее по утрам, или — еще больше — ночных кошмаров, она относила свой ночник в комнату брата и просиживала на полу

у кровати целый час, а то и дольше, не отрывая глаз от его лица; покой малыша умерял ее собственное беспокойство.

Хотя Нелл знала — малыш не проснется, она поворачивала ручку двери с такой осторожностью, будто ожидала, что вот-вот прозвучит взрыв. Ночничок, ровно горевший в стеклянной плошке, оказался не нужен, его желтоватое сияние растаяло в лунном свете, лившемся в ничем не занавешенные окна. Уильям, как в мешок упрятанный в замусоленный спальный комбинезон, лежал, как всегда, на спине, закинув обе ручки наверх. Голова его завалилась набок, видно было, как на тонкой шейке бьется пульс, и шейка эта казалась такой хрупкой, что и не понять, как она выдерживает тяжесть его головы. Губы малыша слегка приоткрыты, но Нелл не смогла слышать тихий шорох его дыхания. Она все смотрела, смотрела, и вдруг Уильям открыл ничего не видящие глаза, закатил их наверх и снова со вздохом закрыл их, опять погрузившись в сон, так похожий на смерть.

Нелл тихонько прикрыла за собой дверь и вернулась в свою комнату, соседнюю с комнатой брата. Стянув с постели пуховое одеяло, она набросила его на плечи и прошлепала босыми ногами через всю площадку. Поднялась по лестнице на самый верх. Тяжелые дубовые перила, часто усаженные медными шляпками гвоздей, изгибаясь, уходили вниз, в темноту холла. Доносившееся оттуда тиканье старинных напольных часов казалось неестественно громким, несущим в себе угрозу, словно тиканье часового механизма бомбы замедленного действия. В нос вдруг ударил запах старого дома — затхлый, как из давно забытого термоса, пропитанный ароматами скучных и плотных пасторских трапез. Поставив ночничок у стены, Нелл уселась на верхней ступеньке, завернувшись в одеяло так, что край его высоко горбился над плечами, и уперлась взглядом во тьму. Лестничная дорожка неприятно скребла босые ступни. Мисс Уиллард никогда не чистила ее пылесосом, жалуясь, что больное сердце не по-